

Мария Кувекалович
Белградский университет
Филологический факультет
marija.kuvekalovic6@yahoo.com

Maria Kuvekalovich
University of Belgrade
Faculty of Philology
marija.kuvekalovic6@yahoo.com

БИОКОСМИЗМ АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА
(НА МАТЕРИАЛЕ КНИГИ СТИХОВ *ГОЛУБАЯ ГЛУБИНА*)

ANDREI PLATONOV'S BIOCOSMISM
(BASED ON THE COLLECTION OF POEMS *THE BLUE DEPTH*)

В статье рассматривается влияние поэтики биокосмистов (А. Святогора, А. Ярославского, О. Лор и др.) на первую поэтическую книгу *Голубая глубина* Андрея Платонова, которую вполне справедливо следует включить в канон пролетарской поэзии. Поскольку почти все литературное наследие первой половины XX века основывается на философии русского космизма и учении Николая Федорова, не удивительно, что в начале XX века формируются различные религиозно-философские течения, так или иначе восходящее к философии русского космизма, из которых анархо-биокосмизм является наиболее радикальным. Содержание *Голубой глубины* А. Платонова прямо восходит к поэтике анархо-биокосмистов, в которой особо выделяется тенденция к завоеванию космоса и использованию космической энергии для продолжения человеческой жизни. Из того факта, что Манифест биокосмистов появляется в том же году (1922), когда и поэтическая книга Платонова, можно утверждать, что утопические идеи А. Святогора и А. Ярославского повлияли на формирование у А. Платонова картины грядущего мира и создание утилитарного общества, опирающегося на концепции Федорова о «жизни на каждом и для каждого».

Ключевые слова: А. Платонов, *Голубая глубина*, А. Святогор, А. Ярославский, биокосмизм, пролетарская поэзия.

The paper discusses the influence the poetics of biocosmist poets (A. Svyatogor, A. Yaroslavsky, O. Lor, and the others) had on the first collection of poems *The Blue Depth* by Andrei Platonov, which can justifiably be classified in the canon of proletarian poetry. Since almost the whole literal creativity from the beginning of the 20th century was formed based on Russian cosmism and teachings of Nikolai Fyodorov, it is no wonder that in the first half of the 20th century various religious-philosophical movements arise, in one way or another related to the ideas of Russian cosmism, and out of which anarcho-biocosmism stands out as most radical. The poetry of anarcho-biocos-

mists, permeated with ideas of subjugating the cosmos and using the cosmic energy to prolong human life, refers directly to the content of Platonov's *The Blue Depth*. Having in mind that the biocosmist Manifesto was published in the same year (1922) as the aforementioned collection of poems, it is highly likely that the utopian ideas cherished by A. Svyatogor and A. Yaroslavsky contributed to the creation of the image of the world of future, immortal life and utilitarian society which stems on Fyodorov's motto: "Live with everybody and for everyone".

Keywords: A. Platonov, *The Blue Depth*, A. Svyatogor, A. Yaroslavsky, biocosmism, proletarian poetry.

«Порожденный крошечной землей, зритель безмерного пространства, зритель миров этого пространства должен сделаться их обитателем и правителем».

Н. Федоров. «Философия общего дела»

Философия русского космизма в поэтике пролетарской поэзии занимает особое место. Поиски бесконечного, овладение далекими пределами вселенной, воскрешение предков, создание «общего хозяйства» от земного шара, а также осуществление масштабного советского проекта во имя светлого будущего являются основными идеями, проявленными в поэзии пролетарских поэтов. В современных исследованиях о Пролеткульте упоминаются одни и те же фразы о пролетарской поэзии, рассматривающие данную коллективную поэзию через философию русского космизма и обнаруживающие степень влияния учения Н. Федорова, К. Циолковского, В. Вернадского и других представителей этого направления. М. Левченко в своем труде *Индустриальная свирель* утверждает, что «для западного же (равно как и для постсоветского) исследователя Пролеткульт, видимо, является слишком "советским", идеологизированным и примитивным, и в филологической литературе, где упоминается Пролеткульт (прежде всего в учебниках) в основном повторяются те же общие фразы об "абстрактности", "замкнутости" и "космизме" Пролеткульта» (Левченко 2007: 8). В какой степени идеи русского космизма и федоровского учения повлияли на формирование образца пролетпоэзии не можем полностью обнаружить, поскольку до сих пор неизвестно читали ли поэты Пролеткульта два крупных тома *Философии общего дела*, но одно можно сказать точно: вся литература начала XX века попала под влияние идей о завоевании космоса и далеких невиданных пространств, особенно творчество Заболоцкого, Хлебникова (кстати говоря, биокосмисты считали Хлебникова единственным футуристом, с которым они могли бы найти общий язык), Маяковского, стремящихся осуществить идею личного воскрешения, в отличие от пролетарских поэтов, которые настаивали на идее коллективного воскрешения. Под этим общим влиянием формировалось и раннее поэтическое творчество Андрея Платонова. Мы не будем здесь рассматривать проект

Платонова через проект Федорова, поскольку уже хорошо известно, что писатель весьма подробно был знаком с *Философией общего дела*, на что может указывать тот факт, что она хранилась в библиотеке воронежского дома Платонова. Добавим, что данное влияние способствовало появлению одного из первых федоровских религиозных движений во главе с Федором Рыбалкиным, возникшее в начале 20-х годов в Воронежской губернии, когда Платонов еще жил и работал во Воронеже¹. Тем не менее, несколько лет спустя после революции — ключевого события в истории, навеянные идеями о неограниченных возможностях нового человека, формировались движения так или иначе восходящие к учению Н. Федорова, а именно — биокосмизм, интерпланетаризм, акосмизм, иммортализм и др.² В ходе написания *Голубой глубины* Андрей Платонов, несомненно учитывал идеи различных религиозно-философских течений, но его техническая и производственная поэзия прямо совпадает со стихотворениями поэтов-биокосмистов. Таким образом, они вместе, пусть неосознанно, создавали универсальный поэтический язык будущего общества, поскольку «на управление омоложением жизнью должен оказывать влияние новый язык» (Буренина 2019: 231), о чем писал и А. Святогор: «Мы беременны новыми словами. Так мы предчувствуем междометие встающего из гроба человека. Нас ждут миллионы междометий на Марсе и на других планетах. Мы думаем, что из биокосмических междометий (в широком смысле) родится биокосмический язык, общий всей земле, всему космосу»³.

Стихотворения *Голубой глубины* формировались, как нам представляется, под влиянием и на основе поэзии анархо-биокосмистов, основавших свое движение в Петербурге 1920-х годов и занимавшихся вопросами достижения личного и физического бессмертия через проект воскрешения умерших, пересоздание вселенной, передвижение в космосе, т. е. всем, что явилось содержанием поэтической книги Андрея Платонова. Основатель течения, поэт А. Святогор (А. Агиенко, Пересвет-Пересветов), в 1921-м году опубликовал манифест «Биокосмическая поэтика», определяющий основные задачи поэзии биокосмистов, из кото-

¹ Более подробно о том в работе: Галкова Ирина. «Бог из Петропавловки. Андрей Платонов и движение федоровцев» (режим доступа: <https://yandex.ru/video/preview?filmId=4465808365977547251&parent-reqid>) (дата обращения: 24.05.2021).

² Х. Гюнтер в книге *По обе стороны от утопии* пишет следующее: «Федоровскими идеями увлекались сторонники русского прометеизма и биокосмизма, иммортализма и интерпланетаризма. Некоторые мотивы Федорова оказались близкими к художественному авангарду, хотя многие художники были знакомы с идеями Федорова лишь понаслышке. Вряд ли можно предполагать, что кто-либо из их прочитал два толстых тома “Философии общего дела” от корки до корки» (Гюнтер 2012: 39). Такое мнение вполне справедливо, так как данные течения возникли под влиянием общей социальной обстановки 1920-х годов, Однако, как утверждает Х. Гюнтер, Андрей Платонов их внимательно и подробно читал.

³ Режим доступа: <http://tehne.com/library/ot-simvolizma-do-oktyabrya-sbornik-literaturnyh-manifestov-moskva-1924> (дата обращения: 24. 05. 2021).

рых выделяем: необходимость равновесия нейтральной смерти, победу над пространством и воскрешение мертвых. Биокосмисты, как это обычно бывает, со временем разделились на две группы: московскую (во главе с А. Агиенко) и петроградскую (во главе с А. Ярославским), работая таким образом на два фронта⁴. В начале 1920-х годов Святогор вкупе с представителями анархистов-универсалистов создает Креаторий Российских и Московских анархистов-биокосмистов, который по замыслу основателей должен был «предложить объединяющую программу анархизма и положить конец неясности и колебаниям» (Кучинов 2017: 11). В год появления *Голубой глубины* на свет появилась поэтическая книга имморталистов *Бессмертие*, а год спустя и сборник *Десять штук*, включающий в себе стихотворения А. Ярославского, И. Линкста, П. Логинова, С. Тихонова, О. Лор и многих других представителей биокосмистов. В поэзии А. Святогора и А. Ярославского наиболее выражены биокосмические идеи, очень близкие поэтике пролетпозтов. Е. Кучинов в предисловии к вышедшей в 2017-м году книге о поэтике биокосмистов пишет, что тексты «Малевича, Родченко, Гастева нередко соседствуют со святогорскими» (Кучинов 2017: 11), а нам к этому следует добавить и поэзию Андрея Платонова. Они, как представители новой эры человечества, чувствуют себя проповедниками светлого будущего и считают своей основной задачей расширение границ земного мира, овладение пределами вселенной и уничтожение окружающей природы, которая должна передать свою энергию для питания космическими материями и показать, что «мы входим в эту эру превращения элементов, мы накануне измерений и оборотства» (Святогор 1914: 3). Несмотря на то, что достижение бессмертия у Платонова никогда не было личного характера, в отличие от поэтов-биокосмистов, сходство между их поэзиями налицо.

Первое, что бросается в глаза при сравнении текстов биокосмистов и Андрея Платонова — это устойчивое стремление покорить вселенную, овладеть ее пределами, стать «администратором космоса», и, еще важнее, — победить смерть. Необходимость открытия человеком космических пределов была одной из основных задач нового всемогущего мира и шаг к познанию природы «до конца». Вселенная, как нечто недоступное и далекое, управляемое не силой человеческого разума, а силой природы, в дореволюционный период была лишь мечтой и подтверждением того, насколько человек ничтожен в сравнении с космическим пространством. Хотя первое физическое и настоящее открытие космоса произошло в 1961-м году, поэты-биокосмисты, Андрей Платонов, а также пролетарские поэты весьма серьезно занимались способами использования

⁴ В сборнике *Бессмертие*, вышедшем в 1922-м году, основатель Северной группы биокосмистов-имморталистов Александр Ярославский пишет: «Северная группа находит себя вынужденной совершенно разорвать с Московской организацией» (Ярославский 2018: 21).

космической энергии, обеспечивающей возможность продления жизни. Их общее кредо звучало так: если покорим вселенную («пролоим двери в голубом невесе» (Платонов 1998: 10), то станем владельцами всего мира, окончательно провозгласим победу над всеми до сего момента недоступными человеку явлениями и у нас достижение бессмертия обязательно получится. Платонов во многих произведениях высказывал свои размышления об отношении человека и природы (или человека и вселенной), считая, что в них все «человечество со всем грядущим, вся вселенная со своими тайнами, с Большим Одним. И все это капля для них жажды» (Платонов 2016: 44). Стремление покорить вселенную силой человеческого разума как предусловие для осуществления утопии присутствует во всех произведениях Платонова, особенно раннего периода: *Чевенгур*, «Лунная бомба», «Потомки солнца», «Маркун», «Река Потудань» и др. Через покорение вселенной и природы писатель хотел добиться сущности мира, чтобы «подступиться к бессмертию человечества и спасению его от казематов физических законов, стихий, дезорганизованности, случайности, тайны ужаса» (Платонов 2016: 72). Восхищение этой возможностью наиболее полно показано в *Голубой глубине*, обнаруживающей ранние утопические мысли поэта, который, веря в познание мира «до конца», впервые почувствовал себя всемогущим и единственным «повелителем сил вселенной; в первый раз прошли через него страшные, разрушающие, вольные стихии мира, и он познал их мощь, он познал радость их покорения и увидел, что они не только не страшны, но ничтожны, если изучить их» (Платонов 2016: 52).

Стремление покорить вселенную и пересоздать мир — главная тенденция (чуть-чуть более радикальная) биокосмистов, которая легла в основу их поэтики. Стержнем, вокруг которого формируется их поэзия, была следующая мысль: «Человечество! Мы есть стихия вселенной и конечный продукт ее совершенства. Наш культ в нашем самопознании. Наша наука — жизнь. А наш путь и цель совершенствование» (Святогор 2017: 15). В своих стихотворениях А. Ярославский и А. Святогор излагали мысли и придуманные проекты, которые легко соотносимы с платоновской лирикой. Так, например, А. Ярославский в своей статье «Пуповина человечества» через диалог отца и сына пытался ответить на вопрос, что такое вселенная и что представляет собой творческий порядок, к которому следует стремиться грядущему обществу, говоря, «что в представлении людей и их науки Вселенная есть безграничное пространство, Космос с бесчисленным количеством миров-планет, подобных нашей земле. По опыту чувств — Вселенная есть совокупность различных состояний материи от атома до стихии по величине и от твердого по мысли подобного по качеству, от соприкосновений этих состояний создаются процессы взаимоотношений, проявляющиеся в Творческий Порядок, руководящий Всею культурой Природы» (Ярославский

2018: 9). Поэтому, как считали поэты-биокосмисты, необходимо покорение вселенной, завоевание космоса, чтобы осуществление вечности нашего бытия «завучало заключительным аккордом миллиона веков, и уродливое чувство времени будет торжественно погребено в человеческих организмах» (Ярославский 2017: 24). Платонов в своих трудах (в поэзии и в публицистике 1920-х гг.) продолжает эту мысль, добавляя, что, как ни странно, «здесь и больше нигде человек скоро устроит над вселенной свой страшный суд, чтобы осудить ее на смерть» (Платонов 2016: 226).

В журнале *Биокосмист* в 1922-м году была напечатана декларативная резолюция биокосмистов, где отмечалось, что биокосмизм «это новая идеология, для которой краеугольным принципом является понятие личности, возрастающей в своей силе и творчестве до утверждения себя в бессмертии и в космосе» (Святогор 2017: 97). И дальше: «Существенными и реальными правами личности мы считаем ее право на бытие (бессмертие, воскрешение, омоложение) и на свободу передвижения в космосе» (Святогор 2017: 115). Вне всяких сомнений Андрей Платонов был знаком с этой резолюцией, поскольку сам писатель как основную задачу новой эры ставил попытку передвижения в космосе (эту попытку видим и в образе инженера Крейцкопфа в рассказе «Лунная бомба»), ради обеспечения источников питания для земной жизни. Это мнение усиливает тот факт, что в 1922-м году, когда были изданы *Голубая глубина* и журнал *Биокосмист*, Платонов опубликовал статью «Замчека», в которой обращал внимание на одну интересную мысль, что «человечество — художник, а глина для его творчества — вселенная». Значит — из нее следует вылепить жизнь по своему образцу. Вселенная, по Платонову, в новом мире является необходимым материалом, с помощью которого человечество должно вознести себя на высший уровень существования. Также в знаменитой статье «Чтобы стать гением будущего» Платонов уточняет: «Если вселенная — невеста, поющая звезда, то мы выше ее — она вся в нас, и у нас еще осталось много места» (Платонов 2011: 71). Писатель предполагал, что сверхчеловечество, создаваемое пролетариатом, и есть единственная сила, которая может изменить границы земного мира, познать тайну космоса и смело шагнуть в жизнь на других планетах. В одном из первых стихотворений *Голубой глубины* («Поход») Платонов пишет о бесстрашной силе пролетариата, которую больше никто не может остановить на пути ко вселенной, так как он слился в коллективный и крепкий организм: «Нас не задушат просторы вселенной, / Сколько б дорог нам она ни открыла, / В нашей бесчисленной рати бессменной, / Бьется и дышит бессмертная сила» (Платонов 1998: 9), как и в стихотворении «Вечер мира»: «Мы бессмертны, мы неведомое любим, / Мира мало, чтоб насытить нас, / Мы все грани и законы переступим, — для вселенной бьет последний час» (Платонов 1998: 13). Таким

же разрушительным дионисийским началом обладают и стихотворения поэтов-биокосмистов. Так, например, А. Ярославский в стихотворении «Поджигатели неба» пишет: «Больше нет оплывших свеч! / Вот луна, — как желтый ворон, это небо нужно сжечь». (Ярославский 2017: 75).

Одно из самых интересных стихотворений биокосмистов — «На штурм вселенной», как будто представляет собой введение в, как нам кажется, ключевое стихотворение *Голубой глубины* — «Вселенной». Поэт А. Ярославский не только пишет, но и торжественно восклицает: «На штурм вселенной, братья! / Нам звезды — корабли / — из солнц, оденем платья, / на плаху плеч земли» (Платонов 1998: 39), в то время как Платонов продолжает: «и мы усталое солнце потушим, / Свет иной во вселенной зажжем, / Людям дадим мы железные души, / Планеты с пути сметем огнем» (Платонов 1998: 7). Стихи, обращенные к одинаковым предметам и образам, выглядят будто написанные одним автором. Как замечается, то, что сближает Платонова и поэтов-биокосмистов — это служба одному идеалу, стремление к одной цели и вера в светлое будущее, создаваемое единственным и избранным классом. Однако, их способы реализации идей немножко расходятся: для Платонова новое человечество должно добиться коллективного сознания, а потом, через проект покорения космоса и воскрешения умерших, получить вечную жизнь, в отличие от биокосмистов, желающих осуществить данный проект достижением личного бессмертия. О нем биокосмисты писали так: «Жажда личного бессмертия — это звериная, пышущая жаром любовь к себе. Это зубы и когти, чтобы защищаться, чтобы противостоять смерти» (Яковлев 2017: 147). Тем не менее, Платонов, как и биокосмисты, верил в то, что наше пространство «не бесконечно, оно не имеет границ, как не имеет их круг или шар, но оно есть конечная величина четырех измерений, как конечная величина трех измерений есть шар» (Ярославский 2017: 25).

С другой стороны, вселенная как в стихах Платонова, так и у биокосмистов является местом кровавой борьбы, которая мыслью была перенесена на далекие пространства. Они пытались показать, что миллионы новых людей, овладевших сознанием и разумом, диктуют борьбу во имя окончательной победы над природой. Также, в стихотворениях А. Платонова замечается такое биокосмическое стремление, какое может довести человека до «космического максимализма». То есть к платоновским размышлениям, обнаруженным в *Голубой глубине*, вполне применима мысль А. Ярославского, что «в процессе становления нового порядка остается лишь один выход: или погибнуть в нелепице мести, смерти и крови, или править на маяк космического максимализма и развертываться без конца вместе с человеческой личностью в космос», поскольку «лишь в нем, на необозримом фронте вселенной, мы сумеем объединить и примирить личность и коллектив» (Ярославский 2017: 26).

Масштабный успех Октябрьской революции сформировал мнение, что все возможно, осуществимо и доступно новому мировому коллективу, железному Мессии, коллективному Прометею (по определению В. А. Чалмаева), раз им удалось осуществить исторический переворот. Это общее чувство всемогущества и сверхчеловечества, овладевшее пролетариатом, направляет их на поиски бесконечного, далекого, космического. Пределы земного мира их задушили, они осмелились отправиться в звездный путь к звездным товарищам, т. е., как писал Платонов в статье, опубликованной в 1921-м году в журнале *Воронежская коммуна*, — «русскому мужику тесны его пашни, и он выехал пахать звезды». Именно таким чувством была охвачена поэзия двадцатидвухлетнего Платонова и поэтов-биокосмистов. Они, несомненно, чувствовали себя носителями нового мирового порядка, создающими новую Россию не только внутри, но и за ее пределами. Притом, согласно стихами Платонова: «Нас не задушат просторы вселенной, / Сколько б дорог нам она ни открыла, / В нашей бесчисленной рати бессменной / Бьется и дышит бессмертная сила» (Платонов 1998: 7). А. Ярославский также говорил об этой бессмертной силе, утверждая следующее: «Поэзия человеческой мощи вырывается, как естественный аккорд из этого колоссального количества научного опыта, навыка и знаний, которое сейчас приобрело человечество. Эта мощь не желает считаться ни с Богом, ни с мистикой, ни с установившейся мещанской моралью» (Ярославский 2017: 25).

На фоне таких размышлений формируется «космическая поэзия», в основном абстрактная и далекая, направленная на что-то нематериальное и метафизическое, но все-таки колоссальное и необходимое, позволяющее овладеть бессмертием. Платонов часто свои размышления выражал в многочисленных письмах жене, обсуждая вечные философские вопросы: о времени, смерти, Боге, и, конечно, — о космосе. Приведем здесь одно из них, касающееся голубого и далекого звездного пространства: «Если взглядишься в звезду, ужас войдет в душу, можно зарыдать от безнадежности и невыразимой муки — так далека, далека эта звезда... Мне кажется, что я лечу, и только светится недостижимое дно колодца и стены пропасти не движутся от полета. От вздоха в таком просторе разрывается сердце, от взгляда в провал между звезд становишься бессмертным» (Платонов 2006: 65), в то время как в стихотворении «Поход» он утверждает: «До звезд нет дороги — так мертвому снится. / Можно достать их, и взвесить, и счесть» (Платонов 1998: 7). Звездный путь увлекал писателя в глубь далекого⁵, он мечтал о вечной жизни, в которой слово смерть не имеет никакого значения, т. е. Платонов, как и К. Циолковский, верил в то, что «смерть есть одна из иллюзий слабого человеческого разума», так как «нет начала и конца вселенной, нет начала

⁵ В связи с этим Платонов пишет, что «жизнь — далекая дорога, / Неустанный путник я. / И у неба голубого / Я любимое дитя» (Платонов 1998: 4).

и конца также жизни» (хотя здесь можно задаться вопросом: почему тогда все платоновские герои произведений 1930-х годов не только верят в смерть, но даже и ожидают момент ее появления). И поэты-биокосмисты в своих текстах и стихах отрицали смерть, вели постоянную борьбу против нее, стремились освободиться от ужаса осознания человеческой смертности. Они, согласно Ярославскому, — убийцы смерти, что поэт и подчеркнул в стихотворении «На штурм Вселенной»: «И Космос нам, — как трек! / Пучин хаоса труду / Искомкал Человек! / И гимн Биокосмистов / За млечные пути, / — Торжественно-неистов / Восторженно — летит! И отвечает эхо / Стареющей звезде, / Что скрыто Время — веха, / — Что мы теперь — везде! / Мозги, как пасть, ощерьте! Наш Дух — безмерно прав / Ты! / Мы лишь Убийцы Смерти, / Бессмертья Аргонавты!» (Ярославский 2017: 39). Содержание биокосмических стихов, собранных в журнале *Десять штук*, полностью посвящено преодолению смерти и воспеванию бессмертия. Так, например, Ольга Лор пишет: «Запомните, сонные люди, / Усталые от скучных зевков: / Если смерти не будет, / — Просто радость придет!» (Лор 1923: 10). В этом же сборнике поэт написала завещание, в котором обращается к своему мальчику, говоря, что она не для смерти его родила и что «я бессмертие тебе завещаю!» (Лор 1923: 9). И если человек приобретает бессмертие и захочет «отдохнуть ненадолго от жизни, устав от бессмертия, чтобы снова воскреснуть в грядущем; ты можешь видеть их, — усыпленных по их же желанию, — в гигантских сотах за прозрачными стенами перед тобой» (Ярославский 1926: 165).

Все же Андрей Платонов в покорении Вселенной видел не только возможность реализации идеи бессмертия, но и способ найти вечную истину, которая скрывается в «мире неизвестном»: «Мы задумались о мире неизвестном, / В нем томится истина — умершая сестра» (Платонов 1998: 10). Все стихотворения *Голубой глубины* как раз обращены к поискам истины, которая для Андрея Платонова представляет «вещество существования». Поэт приказывает: «Свалите камень, земные дети, / Пусть станет истина ее душой» (Платонов 1998: 10). Таким образом, предполагают И. А. Журавлева и М. Е. Русанова, «“вещество существования” у Платонова составляет онтологическую основу космоса и представляет собой универсальную энергию мироздания. Именно она составляет вещи и существа, то сгущаясь, то рассеиваясь, образуя весь окружающий человека мир. Основная энергия находится в Земле, к которой обращены все сюжеты писателя» (Русанова 2019: 119). Значит, одна из задач нового человека — отнимать энергию космоса для улучшения жизни на Земле.

Добавим к сказанному, что в своей статье «Бессмертие человека и телесные метаморфозы в творчестве анархо-биокосмистов» О. Буренина пишет, что «проект вулканизма, как и анархофутуризма в целом, был направлен, как и у Федорова, на воскрешение культурной памяти, однако с той принципиальной поправкой, что идея воскрешения памяти про-

шлого подменялась в теории вулканизма идеей бессмертия памяти и ее носителей, то есть бессмертия всего человечества» (Буренина 2019: 226). Основы этой, словами Святогора, «вулкан-культуры», заметны и в стихах Платонова, поскольку поэт в каждой строке подчеркивает тот факт, что человеческое завоевание космоса, преодоление смерти и «локализма» человеческой жизни, а также достижение биологического бессмертия осуществимо лишь через проект бессмертия памяти. Так, например, в стихотворении «Вселенной», Платонов пишет: «Вселенная! Ты горишь от любви, / Мы сегодня целуем тебя. / Все одежды для нас в первый раз сорви, / Покажись — и погибшие встанут в гробах» (Платонов 1998: 13). Однако обратим внимание, что «биокосмизм вообще утверждает крайнюю индивидуализацию и в то же время максимальную социальность. То же и в языке: индивидуализация и новая социальность (синтаксис) слов. Первое и второе единовременны, органически едины, одно из другого вытекают, одно другим утверждают. Но это особая, биокосмическая индивидуализация и социальность слов» (Буренина 2019: 153).

Когда Платонов писал свои стихотворения, он чувствовал, как создается история и как человек приближается к заветной цели и выполнению своего долга. Такими чувствами охвачена статья «Питомник нового человека», в которой писатель торжественно и гордо заявляет, что «к изумрудной звезде, приснившейся утомленному большевику, сделан крупный шаг. История “проходится”. Земное тесто будет превращено в кристалл, и человек станет его зеленым цветом — цветом надежды на действительное овладение вселенной» (Платонов 2006: 114).

В этой статье мы обратили внимание только на некоторые основные и ключевые мысли, связывающие поэзию Платонова с поэзией биокосмистов, одновременно вписавшихся в дух эпохи. Однако, до сих пор нет ни одной научной работы, рассматривающей взаимосвязь между их стихами, так что к этой теме следует вернуться отдельно. Тем не менее, на первый взгляд ясно, что космисты и А. Платонов стремились к одной и той же цели, достигая ее по-разному. Мечтая об утопии, которая должна провозгласить конец страданию и катастрофическому состоянию мира, они сочиняли стихи, стимулирующие самые глубокие философские вопросы и раздвигающие все предыдущие границы. Их поэзия характеризуется особыми эмоциями, способными втянуть нас в мир, окруженный звездами, где идет борьба за свободу, науку, искусство и разум. Огромная вера в силу нового общества на пути к вечности и покорению вселенной не позволяет ни на минуту усомниться в возможности реализации этого гигантского проекта. В своих стихах они выражают твердую веру в светлое будущее, и именно это делает их исключительными во всех смыслах, в них им удалось показать, что «человек — отец бога. Человек, бьющаяся в нем жизнь — единая власть вселенной от начала до конца веков» (Платонов 2016: 25).

ЛИТЕРАТУРА

- Буренина-Петрова Ольга. «Бессмертие человека и телесные метаморфозы в творчестве анархо-биокосмистов». *Quaestio Rossica* 7/1 (2019): 222–240.
- Геллер Михаил. *Андрей Платонов в поисках счастья*. Париж: YMCA-PRESS, 1982.
- Гюнтер Ханс. *По обе стороны от утопии. Контексты творчества А. Платонова*. Москва: Новое литературное обозрение, 2012.
- Ефимова Наталья. «О космизме Андрея Платонова». *Соловьевские исследования*. Вып. 1. Иваново: Ивановский государственный энергетический университет, 2012: 88–98.
- Левченко Мария. *Индустриальная свирель: поэзия Пролеткульта 1917–1921 гг.* Санкт-Петербург: СПГУТД, 2017.
- Платонов Андрей. *Собрание сочинений*. В 5 т. Том 1. Москва: Информпечать, 1998.
- Платонов Андрей. *Красный Платонов*. Москва: Common place, 2016.
- Платонов Андрей. *Усомнившийся Макар. Рассказы 1920-х годов. Стихотворения*. Москва: Время, 2011.
- Чалмаев В. А. *Андрей Платонов*. Москва: Издательство «Советская Россия», 1978.
- Святогор Александр. *Поэтика. Биокосмизм. (А)теология*. Москва: Common place, 2017.
- Семенова Светлана. *Русская поэзия и проза 1920–1930-х годов. Поэтика — Видение мира — Философия*. Москва: ИМЛИ РАН, 2001.

LITERATURE

- Burenina-Petrova Ol'ga. «Bessmertie cheloveka i telesnye metamorfozy v tvorchestve anarho-biokosmistov». *Quaestio Rossica* 7/1 (2019): 222–240.
- Chalmaev V. A. *Andrej Platonov*. Moskva: Izdatel'stvo «Sovetskaya Rossiya», 1978.
- Efimova Natalja. «O kosmizme Andreyja Platonova». *Solov'evskie issledovaniya*. Vyp. 1. Ivanovo: Ivanovskij gosudarstvennyj energeticheskij universitet, 2012: 88–98.
- Geller Mihail. *Andrej Platonov v poiskah schast'ya*. Parizh: YMCA-PRESS, 1982.
- Gyunter Hans. *Po obe storony ot utopii. Konteksty tvorchestva A. Platonova*. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2011.
- Levchenko Mariya. *Industrial'naya svirel': poeziya Proletkul'ta 1917–1921 gg.* Sankt-Peterburg: SPGUTD, 2017.
- Platonov Andrej. *Sobranie sochinenij*. V 5 t. Tom 1. Moskva: Informpechat', 1998.
- Platonov Andrej. *Krasnyj Platonov*. Moskva: Common place, 2016.
- Platonov Andrej. *Usonnivshijsya Makar. Rasskazy 1920-h godov. Stihotvoreniya*. Moskva: Vremya, 2011.
- Semenova Svetlana. *Russkaya poeziya i proza 1920–1930-h godov. Poetika — Videnie mira — Filosofiya*. Moskva: IMLI RAN, 2001.
- Svyatogor Aleksandr. *Poetika. Biokosmizm. (A)teologiya*. Moskva: Common place, 2017.

Марија Кувекаловић

БИОКОСМИЗАМ АНДРЕЈА ПЛАТОНОВА
(НА МАТЕРИЈАЛУ КЊИГЕ СТИХОВА ПЛАВА ДУБИНА)

Резиме

У раду се разматра утицај биокосмичке поетике на збирку песама *Плава дубина* Андреја Платонова, објављену исте године (1922) када и Манифест анархо-биокосмичара. У Платоновљевим песамама, писаним у раном вороњешком периоду стваралаштва, примећују се нешто радикалније идеје руског космизма, веома блиске философији биокосмиста (А. Свјатогора, А. Јарославског, О. Лор и др.). Тежња за достизањем биолошке бесмртности, поковавање космичких предела и коришћење космичке енергије у циљу

продужетка земаљског живота јесу основне карактеристике како поезије биокосмичара, тако и Платоновљевог песништва. Циљ овог рада представља покушај приказивања основних сличности између идеја и тенденција песника јаког религиозно-философског правца с почетка XX века (анархо-биокосмизма) и песама првог дела *Плаве дубине* А. Платонова.

Кључне речи: А. Платонов, *Плава дубина*, А. Свјатогор, А. Јарославски, биокосмизам, пролетерска поезија.